

Процесс отражения и языковая семантика

Диалектическое единство мышления как способа отражения действительности и языка как материальной основы мышления давно стало общепризнанным.

Думается, что одна из актуальных задач в настоящее время состоит в том, чтобы найти такой подход к языку и мышлению, который позволил бы осветить принадлежащую объекту лингвистики сторону мышления, т.е. необходимо стать на позиции собственно лингвистики, и с этих позиций обратиться к языку в его семантическом аспекте. Эта задача продиктована тем, что на современном этапе старая и широкая тема "язык и мышление", предстает в более четкой формулировке как проблема соотношения содержания языковых форм и логических форм, или проблема языковой семантики.

В этом плане нам представляется интересным проследить некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления в работе видного советского монголиста Т.А.Бертагаева "Лексика современных монгольских литературных языков".¹⁾ На большом фактическом материале монгольского и бурятского языков Т.А.Бертагаев прослеживает развитие лексики монгольских языков, анализирует причины семантических изменений и "рассматривает слово не как произвольный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики."

Способность человеческого мозга отражать действительность — есть результат длительного развития высокоорганизованной материи.

Если ощущения как самый элементарный фактор сознания отражают лишь отдельные свойства вещей, то вещь в целом, в единстве ее различных чувственно воспроизводимых

1. Т. А. Б е р т а г а е в. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974.

свойств отражается в восприятии. Восприятие у человека обычно включает в себя осмысление предметов, их свойств и отношений, "животное же лишено этой способности, восприятие человека в отличие от восприятия животного не ограничено ситуативно, а опосредовано свободно и детерминировано социальным познавательным опытом".¹⁾

Диалектико-материалистически определяя характер восприятия как одного из факторов сознания, Т.А.Бертагаев исходит из того, что сознание является свойством не всякой, а лишь высокоорганизованной материи, оно связано лишь с деятельностью человеческого мозга, со специфическим человеческим, специальным образом жизни: "Человек непременно сопоставляет, сравнивает воспринимаемое с эвентуально соотносимыми данными своего общественного бытия и общественной практики, духовно-творческой деятельности и веками накопленного опыта.

Следовательно, с самого начала воспринятое соответствует ступени общественного сознания человека, оно включается в сеть категорий его мышления".²⁾ А мышлению открыты такие стороны мира, которые недоступны чувственному восприятию. На основании видимого, осязаемого, слышимого и т.п. мы, благодаря мыслительной деятельности, проникаем в невидимое, неосязаемое, неслышимое. Мышление дает нам знание о глубинных свойствах, связях и отношениях. С помощью мышления мы осуществляем диалектический переход от внешнего к внутреннему, от явлений к сущности вещей, процессов и т.д. "Будучи высшей формой отражательной деятельности, мышление вместе с тем присутствует и на чувственной ступени: ощущая и воспринимая что-либо, человек

1. Т.А.Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974, стр.7.

2. Т.А.Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974, стр. 8.

уже мыслит, осознает результаты чувственных восприятий"¹⁾

Переход от живого созерцания, от чувственного познания к обобщенному, отвлеченному мышлению осуществляется с помощью языка.

Язык в свою очередь, как отмечает Т.А.Бертагаев, объективирует мысли и чувства человека, преобразует идеальное в материальное. Материальным в данном случае выступают движущиеся слои воздуха - звуки.

Пользуясь терминологией известных болгарских ученых Тодора Павлова и Стефана Василева, Т.А.Бертагаев рассматривает мыслительный акт как "отражение-след". Такие формы сознания и мышления как представление, понятие и суждение Т.А.Бертагаев относит к "отражению-следу". "Отражение-след" он считает существенной действенной стороной общего отражения.²⁾

Если мыслительный процесс - это "отражение-след", то динамическая, действенная сторона и проявление "отражения следа" есть, по Т.А.Бертагаеву, "отражение-ответная реакция" (у некоторых философов - "активность сознания и отражения", у физиологов - "опережающее отражение").

Именно к этой стороне отражения - ответной реакции отражающего относит Т.А.Бертагаев языковую семантику, т. е. мыслительный процесс, являющийся отражением, запечатленным высокоорганизованной материей, осуществляется и через семантику или значение слов.

Значения слов, как актуализированные и осуществленные элементы мышления, не могут быть сведены к последним, - это две стороны сознания - отражения³⁾ - замечает Т.А.Бертагаев: "Если формы мышления - результат взаимодействия субъекта с объектом в процессе его познавательной, практической, целенаправленной общественной деятельности, то семантика, продуцируясь ответным отражением, реализуется

1. Основы марксистско-ленинской философии. М., Политиздат, 1972, стр.86.

2. Т. А. Бертагаев. Указ. соч., стр. 8.

3. Т. А. Бертагаев. Указ. соч., стр.9.

прежде всего в процессе взаимодействия самих субъектов, их социального общения, обмена мыслями в процессе познания объективного мира и в ходе практической, духовно-созидательной деятельности.^{I)} Далее Т.А.Бертагаев проследживает взаимоотношение мышления и семантики, их отношение к субъекту и приходит к выводу; что мышление есть внутреннее состояние субъекта, а семантика — внешняя, ответная его реакции, то есть внутреннее, проявленное вовне.

На наш взгляд, в данном случае необходимо сделать уточнение: семантика приобретает статус "внешней, ответной реакции" и "проявляется вовне", только в том случае, когда она облекается в материальную оболочку в виде слова. Иными словами семантика не существует без слов. Слово — есть материальная сторона семантики, а семантика — идеальное содержание слова.

Идеалистическая философия извращает связь слова и его значения, языка и мысли, поскольку отрицает, что слово есть материальная оболочка мысли. Слово оказывается чем-то духовным, и тем самым проблема связи слова с его значением переносится в сферу психического. Если все же признается, что мысль находится в голове, то утверждается, что существует она там в "оголенном виде". Проще говоря, человек может якобы мыслить без слов, и лишь тогда, когда люди хотят свои мысли передать кому-либо, высказать, записать и т.д. они облачают их в слова. Такова предпосылка гипотез ряда этнографов и лингвистов о существовании в первобытном обществе стадии "ручной речи" (К.Леви-Брюль, Н.Я.Март и др.). Согласно их теории люди уже обладали понятиями, а звукового языка еще не создали и поэтому об"яснялись с помощью жестов.

Т.А.Бертагаев, исходя из диалектико-материалистических позиций и опираясь на высказывания И.М.Сеченова, совершенно верно утверждает, что мысль облекается в материальную, звуковую оболочку не только тогда, когда мы говорим или пишем, но и в том случае, когда мы думаем.

Т. А. Бертагаев. Указ. соч., стр. 9.

мышление сопровождается незримыми движениями мышц языка даже тогда, когда человек молчит. Это явление известно науке как "внутренняя речь". Экспериментально было доказано, что "внутренняя речь" всегда опирается на кинестезические раздражения, идущие от органов речи, но эти раздражения могут быть незначительными, скрытыми. В любом случае об их существовании свидетельствуют приборы. Таким образом, звуковая сторона появляется всегда с мыслью, и, какие бы мысли не возникали у человека в голове, они не могут возникнуть и существовать без материальной стороны, в частности без "языковой материи". Т.А.Бертагаев по этому поводу пишет следующее: "Значение слова в своем истоке возникает одновременно с мышечным движением, в частности со звуком, продуктом речевой кинестезии, а не иначе, потому что движение и отражение органически связанные компоненты. Базальным в смысле реализации (только в этом отношении) или об"ективизации, является движение, кинестезия речи, т.е. звук (наряду со звуком - жест)"¹⁾.

Правильно омечая звук как главное средство реализации или объективации значения слова, Т.А.Бертагаев явно обнаруживает свою симпатию к жестикуляционной теории Н.Я.Марра, когда считает, что и жест, наряду со звуком, служит средством проявления значения.

Не надо забывать, что с помощью жестов можно выразить только уже известные понятия. На этой основе и существует социально разработанный "язык" глухонемых. Однако создание этого специального "языка" стало возможным лишь на высокой ступени развития человеческой культуры, поскольку при обучении глухонемых определенный жест сопоставляется с уже существующим словом.

В связи с кинестезией речи Т.А.Бертагаев рассматривает значение как модификацию процесса отражения в мыслительной акции, а его звуковую сторону - как производное нейро-физиологической формы движения, тесно связанное с речевым моторным центром мозга".²⁾

1. Т.А. Бертагаев. Указ.соч., стр.10.

2. Т.А. Бертагаев. Указ. соч., стр.11.

Таким образом, Т.А. Бертагаев видит в основе мыслительных процессов движение материи, и это движение он называет нейро-физиологической формой движения. Эта концепция выражает позитивную точку зрения ученого-лингвиста на дискуссионный философский вопрос — считать ли мышление как феномен, основанный на форме движения материи. Надо сказать, что Т.А.Бертагаев, как и некоторые философы-марксисты нашего времени, рассматривает мышление как одну из основных форм движения материи наряду с механическим, химическим и т.д. неспроста. Согласно Энгельсу, движение, понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением.¹⁾ Сознание есть функция человеческого мозга. Мозг представляет собой исключительно сложную функциональную систему. И верное понимание функционирования этой системы предполагает нейро-физиологическое движение нейронов в коре головного мозга. Вне физиологических процессов в мозгу невозможно возникновение никакого ощущения, никакого чувства и побуждения.

Каждое слово представляет собой единство звучания и значения (смысла). Очевидно, нет слов, лишенных звуковой стороны. Нет также слов, лишенных смысла, значения.

В современной науке нет единого понимания природы словесных значений. По мнению одних ученых, значение — это связь определенного звучания с определенным признаком, предметом, действием, отношение слова к предмету, признаку, действию. По мнению других, значение — это отображение предмета, закрепленное за словом.

Много дискуссий в современной лингвистике и по природе звучания слова. Многие исследователи относят звучание слова к знакам-меткам, присвоенным значениям произвольно или стихийно.

1. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., т.20, стр.391.

Даже единство звучания и значения признается далеко не всеми лингвистами, так как некоторые считают, что означаемое и означающее связаны произвольно и между звуковой и идеальной сторонами слова нет необходимой внутренней связи.

В своей работе "Лексика современных монгольских литературных языков" Т.А.Бертагаев подвергает тщательному анализу природу означаемого и означающего и связь между ними. Кредо автора по данному вопросу эксплицитно выражено так: "...И звук речи, и смысл — не знаки, не произвольные и не конвенциальные порождения"¹⁾. Утверждая, что "звучание слов не знак, не метка значения, и слова — значения не похожи на меченые атомы",²⁾ Т.А.Бертагаев приходит к выводу: "Звуковой комплекс есть материальное воплощение, условие проявления и способ объективирования значения, выдвинутый формой движения, находящегося в основе любой отражательной реакции, в данном случае действующей на уровне мыслительного процесса".³⁾ Таким образом, в нашем сознании "отпечатывается", отображается физический, материальный облик слова: там же "отпечатывается", отображается физический, материальный облик предмета (явления) действительности. Между отображением ("отпечатком") физического облика слова и отображением предмета устанавливается прочная связь, так что два отображения образуют целостное единство. И каждый раз, когда на наше сознание воздействует предмет, возникает его отображение, а вместе с отображением предмета и отображение соответствующего слова. И наоборот, каждый раз, когда мы слышим или читаем слово, в сознании возникает его отображение, а вместе с ним — отображение соответствующего слову предмета.

1. Т. А. Б е р т а г а е в. Указ. соч., стр.10.

2. Там же, стр.11.

3. Т. А. Б е р т а г а е в. Указ. соч., стр.11.

Совершенно справедливо критикуя положение Ф. де Соссюра о произвольной связи означаемого и означающего, Т.А.Бертагаев проследивает эволюцию речевого и нейтрофизиологического механизма первобытного человека и делает вывод: "Диахронная преемственность и последовательность доречевой и речевой кинестезии показывает, что отношение означающего к означаемому непроизвольны и исторически закономерны."¹⁾

Далее Т.А.Бертагаев полемизирует с авторами "Общего языкознания"²⁾ и рассматривает слово не как произвольный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики. Вопреки широко распространенному мнению, Т.А.Бертагаев не признает знаковую систему языка. "Если слово есть акт мысли (отражения), появившейся в мире, то знак — нечто присвоенное извне или отнесенное к мыслительной категории".³⁾ Следовательно, связь слова с мыслительной акцией в ее истоке глубинная, внутренняя, у знака — внешняя. Слово как внутренне связанное с мыслительной акцией не только отражает, но и воспроизводит объект в виде идеального в разных аспектах, отсюда и вариации значений в слове, чего лишен знак: у слова функция репродуктивная, у знака — заместительная — приходит к выводу Т.А.Бертагаев. Заклучая сказанное, автор отмечает следующее: "Слово — не знак, не произвольная единица, а многогранное по своей структуре цельное образование, закономерно возникшее с появлением человека наряду с другими его существенными признаками, — величина дискретно минимальная, линейно сочетаемая и виртуально равная предложению; важнейшая и относительно замкнутая осевая микросистема, вокруг которой разворачивается вся сложнейшая сеть структурно-системных отношений языка-речи".⁴⁾

1. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. II.

2. "Общее языкознание". М., "Наука", 1970.

3. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. 20.

4. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. 27.

Таким образом, естественный язык - как считает Т.А.Бертагаев - незнакомая система, вся его символика и формализованная система вторична и надстроена на языке как вполне осознанное конвенциональное творение.